

A detailed oil painting of a city street in Saint-Petersburg during a rain. The street is wet and reflective, with tram lines overhead. Buildings of various colors line the street, and a tall church spire is visible in the distance. The sky is a mix of blue and grey, suggesting an overcast day. The overall style is impressionistic and atmospheric.

Виктор
Меркушев

**ЗЕЛЁНОЕ СОЛНЦЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Виктор Меркушев

Зеленое солнце Санкт-Петербурга

«Знак»

2020

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Меркушев В. В.

Зеленое солнце Санкт-Петербурга / В. В. Меркушев — «Знакъ»,
2020

ISBN 978-5-91638-157-3

Сборник эссе о великом городе, о его особенностях, традициях, культурных и исторических памятниках. Понять душу города и ощутить ауру его пространства непросто, для этого нужно не просто знать, но и уметь видеть, чувствовать, ощущать. Автор книги – художник, и она проиллюстрирована его городскими пейзажами тех мест, о которых он пишет.

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-91638-157-3

© Меркушев В. В., 2020

© Знакъ, 2020

Содержание

На Мойке, 12	6
Петропавловская крепость	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Виктор Меркушев

Зелёное солнце Санкт-Петербурга

© Меркушев В.В., 2020

© «Знакъ», 2020

На Мойке, 12

Если, находясь в центре города, среди духоты и зноя, каким нередко у нас бывает отмечено начало лета, вам захочется отдохнуть, то ничего нельзя предпринять лучше, нежели пойти к Пушкину, на Мойку, 12. Прямо на его очередную годовщину. Здесь всё по-домашнему просто – под стать величию и простоте русского гения. Стоят белые чистые скамейки, цветёт сирень, зелёный мощёный двор наполнен стаями голубей, шмелями и стрекозами – всё так, словно бы и не было двух прошедших веков и всегда было только это пронзительное небо над головой, солнечные искры на стёклах, ровное стрекотание кузнечиков и голоса птиц. Сюда, в этот двор, не заходят праздные толпы, и тишина над построившимися в каре зданиями раскрашена невозмутимой бирюзой покоя. Верхние этажи залиты солнцем, а внизу, словно в огромном каменном бассейне, плещутся тени: синие, фиолетовые, розовые, голубые. Если верить Наполеону, считавшему, что дух человека при определённых условиях мистическим образом воплощается в его окружение, то эта чистая и звенящая вибрация бытия, коснувшаяся вас у стен дома, несёт на себе «это лёгкое имя – Пушкин».

А, может быть, это волнующее чувство обусловлено сопричастностью бесконечному «прекрасному союзу», членство в котором полноценно обретается только здесь. Хотя, кто знает, сколько следов хранят эти камни и чьи души скользят над светлым паркетом комнат. Но это знание для нас закрыто, да и пришли мы, собственно, к Пушкину.

В лишённом, на первый взгляд, всякого смысла сегодняшнем времени, в котором необходимость неотличима от случайности, проступает прекрасная определённая, уже почти не связанная с тем, что обнаруживается сразу же, стоит только миновать глубокую каменную арку на набережной. Сердцу привычно стремление к дальнему, обретение несуществующего, желание вместить в себя утраченное. Все мы подсознательно тянемся к Пушкину; его образ, преобразённый временем и фантазией, не утрачивая реальных очертаний, обрёл качества сказочного героя и тем самым – свойство неизменно присутствовать в лучших проявлениях нашего «я». Над ним не тяготеет ни идеология, ни иные предрассудки, разделяющие людей.

Он наш. Он во всех и в каждом в отдельности.

Пожалуй, Мойка, 12 – это одно из немногих мест, хранящее следы безвозвратно исчезнувшего пушкинского Петербурга, который, в отличие от Петербурга Достоевского, почти исчез за более поздними архитектурными наслоениями. Ведь если выйти на набережную и окинуть взглядом городской вид по обе стороны от Певческого моста, то кроме двух, появившихся здесь, творений Монферрана, Петербург совсем не изменился с той, пушкинской поры. Хотя, когда на город опускаются белые ночи, и становится светоносным огромное воздушное пространство, которое прижимает дома к земле, наваливаясь на них своим тяжёлым прозрачным телом, смешивая таким образом с небом и металл, и асфальт, и камни зданий, которые теперь кажутся взвешенными в этой фантастической смеси из лучей, горячего воздуха и влажной выбеленной тени, Петербург оказывается вне времени, более всего похожим на бессмертные пушкинские строки:

... И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла.

Пушкинский Петербург, со свойственным ему аристократизмом и изысканностью, возвращается к нам во время белых ночей, несмотря на то, что город не тонет в цветной мистереи огней и не прячется за бархатными портьерами тени, а напротив – жёсткий дневной свет струится отовсюду как на полотнах Боттичелли. Белая ночь – это рококо природы: болезнен-

ная хрупкость, неравновесные формы, застывшие в невесомости, абсолютная закрытость для непосвящённых. Таким, скорее всего, представляется наш город, современный Пушкину, возникший наперекор стихии на коричневых туманных болотах и вызванный к жизни обострённостью восприятия по причине бесконечного и непрекращающегося света. Пушкинские дни, белые ночи, меняющий свои обличия город, бредящий прошлым и порождающий иллюзии. Особенно ощущаешь это, когда дойдя до моста, переводишь взгляд с дома, в котором жил Пушкин, на дальние здания вдоль набережной и не находишь между ними никакой разницы.

Петропавловская крепость

Когда рассматриваешь открытки с городскими достопримечательностями, Петропавловская крепость невольно обращает на себя внимание непривычным для такого рода изображений вечерним освещением и огромным небесным пространством, застывшим над лаконичным остроконечным силуэтом. Подход фотохудожников к этому архитектурному памятнику понятен, но, на первый взгляд, есть что-то в такой подаче противоречащее её образу мрачного бастиона самодержавия, каковым она непременно предстаёт в любом путеводителе или справочном издании.

Безусловно, крепость строилась как фортификационное сооружение и, по мысли создателей, должна была быть надёжным прикрытием молодой российской столицы. Но почти всегда случается так, что изначальное предназначение искажает время, превращая задуманное дело в свою противоположность. Печать политической тюрьмы, стены которой, по словам князя Кропоткина, говорят об убийствах, пытках, о заживо погребённых, осуждённых на медленную смерть или же доведённых до сумасшествия, довлеет над этим памятником городской архитектуры. А судьбу Петропавловки, так и ни разу не встретившей лицом к лицу неприятеля, решил случай – помещение царевича Алексея в её Трубецкой бастион. По «летописи этой каменной громады, возвышающейся из Невы, напротив Зимнего дворца» можно воссоздать не только историю переворотов и русского освободительного движения, но и историю всей русской культуры. Заключёнными в крепость в разное время были Радищев и Чернышевский, Писарев и Серно-Соловьевич, Достоевский и Горький и тысячи других литераторов, историков, публицистов, философов... По свидетельствам многих узников, «страшнее казни» были одиночные казематы – социокультурный тип интеллигента той, ещё не такой далёкой, эпохи, сильно отличается от сегодняшнего. Хорошо известно высказывание декабриста А. Беляева о тяжести нахождения в одиночестве: «Куда деваться без всякого занятия со своими мыслями. Воображение работает страшно. Каких страшных, чудовищных помыслов и образов оно не представляло! Куда не уносились мысли, о чём не передумал ум, а затем всё ещё оставалась целая бездна, которую надо было чем-нибудь наполнить!» Стены, покрытые войлочным изолятором, мягкая бесшумная обувь надсмотрщиков, невозможность свиданий и переписки создавали для арестанта параллельный, обитаемый мир – ту бездну, куда было страшно смотреть. Самым точным зрительным воплощением состояния заключённого могли быть, пожалуй, фантазии Пиранези из цикла «Темницы», отображающие внутреннее ощущение человека, лишённого внешнего мира и помещённого в зону отчуждения. Первое, что бросается в глаза в этих офортах, – это огромное, сложно организованное пространство темниц, где легко и беспрепятственно можно затеряться, но невозможно его покинуть. Любой уголок темницы материализует собой какое-то вечное, непреходящее начало, сопутствующее человеку, родственное его природе, но с ним не соотносимое – почти по известной из философии формуле единства и борьбы противоположностей. Под причудливым переплетением пространственных планов уместно подразумевать всю существовавшую систему общественного устройства, пожалуй, вселенского миропорядка, где человек становился действующим лицом в случае противопоставления себя мрачным тяжеловесным стенам и сводам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.